

по совести, как ученые, как частные люди, перестав быть агентами правительства, которое их не желает признавать.

б. Я нахожу, что пока совершенно правильно поступаешь, так как не поступаешься ни своими принципами, ни воззрениями на смысл событий. Боюсь, что дело примет затяжную форму, так как не могу себе представить, как студенты, после того, как сотни и сотни их товарищей сосланы или посажены в тюрьмы (легко при этом предвидеть и самоубийства, и голодовки, а м. б., и экзекуции), начнут опять спокойно заниматься *ad majorem Stolypini et Cassonis gloriam*. Очевидно, этого не будет, а следовательно... вам всем придется стоять перед дилеммой: потерять «лицо» или положение. Опять повторю, что тебе спешить нечего: ты обеспечен и не только можешь, а должен поступать по совести, не нуждаясь ни в каких «красивых» жестах. Конечно, Марр прав, когда говорит о своих и, конечно, тоже твоих обязанностях по отношению к науке и ее насаждению, но только до тех пор, пока служение науке и ее распространению не наносит вреда самому «храму» науки, так как нам еще неизвестны такие пророки и благодетели человечества, которые служили бы своей идее под охраною штыков и грубой силы, признавая возможность такой охраны своего служения, выражаясь возвышенно, человечеству. Уход по своей воле я признавал бы пока, если не случится чего-либо неожиданного и особо возмутительного, непрактичного, но не боялся бы изгнания за исполнение своих человеческих обязанностей. Именно люди, занимающиеся своей наукой и вводящие в нее слушателей, нужны и всегда будут нужны Университету, а не те, которые отбарабаивают свои лекции ради положения и жалованья. Поэтому, первые, что ни болтают черносотенцы, гораздо сильнее и могут ждать, не поступаясь совестью, гораздо спокойнее вторых. Думается, что дело в Ун-те не наладится до лета (кроме экзаменов, если до них допустят профессора и м-ство), но что правительство станет скоро осторожнее, убедившись, что обмишурилось.

Целую, будь здоров и бодр.

Твой любящий отец.

Трубецкой, с коим мы встречаемся, не профессор.

В. А. Соломонов

**«УСТРАНЕНИЕ СОБСТВЕННЫХ НАУЧНЫХ СИЛ — ФАКТ
НЕПОСТИЖИМО БЕСПРИМЕРНЫЙ В ЖИЗНИ ПРОСВЕЩЕНИЯ!»
(Министр Л. А. Кассо и судьбы российских университетов)**

Вместо неожиданно ушедшего в отставку А. Н. Шварца — автора нашумевшего и агрессивно встреченного научной общественностью проекта университетской реформы,¹ министром народного просвещения в 1911 г. был назначен Лев Аристидович Кассо, бывший до этого профессором Московского университета. С приходом его в министерство, «в академических кругах, — по отзыву Н. В. Сперанского, — затеплилась надежда, что университеты в ближайшем, по крайней мере, будущем останутся в покое. Кассо в качестве министра был встречен, правда, с недоумением, но это чувство не носило недоброжелательного оттенка. <...> Кто мог бы думать, — вопрошал далее

автор, — что это — “провиденциальный человек”, какого реакция давно себе желала, что университеты накануне катастрофы?».²

Но, приняв должность министра, он оказывался вынужденным действовать в интересах своего ведомства. Первыми произвол власти ощутили на себе студенты и профессора Московского университета. Для многих из них 1911 г. стал жизнеопределяющим, вынудившим сделать трудный выбор: «или бросить свою науку, или забыть о своем человеческом достоинстве».³ В итоге 131 профессор и преподаватель старейшего университета страны был вынужден уйти в отставку, выразив тем самым решительный протест против проводимой в высшей школе реакционной политики.⁴

Известие об этом многими образованными членами российского общества было встречено с болью и тревогой за судьбы университетской науки и просвещения. Обращало на себя внимание и то, что разыгравшаяся в стенах Московского университета драма совпала с отмечавшимся в том же году 200-летним юбилеем со дня рождения его основателя, М. В. Ломоносова. «По злой иронии судьбы, — писал по этому поводу Н. В. Сперанский, — в год чествования памяти Ломоносова было разгромлено его здание, — разгромлен первый из русских университетов, — этот важнейший из очагов науки, этот питомник, так широко снабжавший научными силами другие менее счастливо поставленные высшие школы».⁵ П. П. Подъяпольский, окончивший в свое время два факультета Московского университета — медицинский и физико-математический, — в письме к своему учителю, профессору Д. Н. Зёрнову, с нескрываемой болью констатировал: «...устранение целой академии собственных научных выдающихся сил — факт непостижимо беспримерный в жизни просвещения и справедливости!».⁶

Подобное настроение, полное безграничной тревоги и неумолимого беспокойства за будущность российской науки, присутствовало и в частной переписке Дмитрия Николаевича и Марии Егоровны Зёрновых с сыном — профессором Саратовского университета В. Д. Зёрновым, учеником и последователем знаменитой русской школы физиков, во главе которой стоял П. Н. Лебедев. Хотя, справедливости ради, следует подчеркнуть, что их реакция на творимые правительством в стенах родной *alma mater* беззаконие и произвол была далеко не однозначной. С одной стороны, они отнюдь не принадлежали к сторонникам массовых отставок и, не разделяя подобного метода протеста, резко осуждали его, а с другой — открыто и нелицеприятно высказывались в адрес как непосредственно министра Кассо и армии его добровольных подручных, так и проводимой им в области высшей школы политики «жесткой руки».

Вот, к примеру, как в феврале 1911 г. о московских событиях отзывалась мать ученого, М. Е. Зёрнова.

«Дорогой Володя! В университете творится что-то ужасное. Вчера вечером я узнала, что и твой П. Н. Лебедев подал в отставку. Что Умов и Соколов — это еще Бог с ними, но Петр Ник[олаевич]... Ведь это что же такое? Хоть бы ты написал ему. Что же их, т. е. его, никто не разговорит, что же они думают сделать с Московским университетом, — совсем его разорить? Такого разгрома никогда в университете не было. <...>

Вчера в совете был Тихомиров. Огнев передал папе заседание, которое было у них, что будто Тихомиров в совете потребует от профессоров выражения верноподданнических чувств. Мы, конечно, возмутились; что же это, вылавливать профессоров, которые на это не пойдут? Воображаю, как волнуется бедный Комаровский. Слава Богу, до этого еще не дошло и то хорошо.

Меня ужасно волнует это повальное бегство, когда и чем это кончится; как какая-то эпидемия. Я думаю, если б ты был здесь, ты бы уговорил Лебедева. Что же это они не подумают и не пожалеют свой университет? Ходят слухи, что все это творится под влиянием из Петербурга кадетской партии, как, напр[имер], подача в отставку Мануйлова, Мензбира и Минакова и всего их хвоста. Необъяснимые, непонятные происшествия творятся». «Сегодня папа читал мне о делах в Саратовском университете. Здесь (в Москве. — В. С.) эпидемия все еще продолжается. Ты пишешь, Вова, чтоб я поменьше занималась политикой. Ну, разве тебя самого не волнуют дела университета? Я же 40 лет живу в университете и не могу хладнокровно относиться к его разрушению».⁷

В мае того же года, извещая Владимира Дмитриевича о приглашении П. Н. Лебедева после его выхода из состава профессоров Московского университета на работу в Стокгольм, она не преминула заметить: «А наши дураки думают, что ученых можно, как в булочной калачи, купить. И взяли же такого министра-истребителя. Он ничего не понимает, ничего ему не жаль. Возмутительно, что терпят такого. А Боголепова убили».⁸

Переживания супруги гулким эхом отдавались и в посланиях Д. Н. Зёрнова. В одном из них с горьким разочарованием за свой родной медицинский факультет он писал: «У нас в Университете хорошего мало. Наши медики, назначенные на место ушедших, образовали шайку с довольно скверными манерами. Так сегодня я получил, видимо, от одного из них анонимный донос, что некоторые старые профессора производят экзамены вне экзаменационного срока и тем отвлекают студентов от посещения клиник.

Челинцев прибыл и сразу показал неестественную прыть, даже не представившись ректору».⁹

Другой эпизод из жизни ученой династии Зёрновых, имевший прямое касательство к описываемым событиям и документально отразившийся в материалах их семейного архива, был связан с мучительными раздумьями по поводу возникшей перспективы переезда из Саратова в Москву.

Впервые реальная возможность занять кафедру в Московском университете у В. Д. Зёрнова появилась еще в 1912 г., когда в личной беседе с Д. Н. Зёрновым министр народного просвещения Л. А. Кассо вдруг неожиданно выразил сожаление о том, что его сын не имеет докторской степени, а является лишь магистром. В прогивном случае он-де перевел бы его своей властью в первопрестольную столицу. У Д. Н. Зёрнова подобное замечание министра, которого иначе как «проклятым цыганом» он не называл, особого восторга не вызвало. В письме сыну от 3 июня 1912 г., касаясь сути своего разговора с Кассо, он недвусмысленно советовал ему не обольщаться данной перспективой: «...перевод в Москву наподобие Челинцева едва ли был бы тебе приятен, да и кафедра-то свободная по теоретической физике, которую ты не возьмешь. Компания же с Соколовым и Станкевичем едва ли приятна. <...> Конечно, перевод в Москву для нас [с] мамой был бы желателен и приятен, но для тебя, при настоящих обстоятельствах, едва ли удобен».¹⁰

Отказаться от аналогичного предложения Д. Н. Зёрнов посоветовал сыну и накануне Первой мировой войны. В письме от 14 января 1914 г. он писал ему: «...все дело становится в зависимость от Станкевича, который, вероятно, идет навстречу, чтобы досадить Соколову, выдвигающему Яковлева. Таким образом, дело о переходе твоём обставляется

неприятными обстоятельствами и, кажется, лучше оставить это, хотя на время и тем более, что пребывание в Саратове тебе, по-видимому, не так уж противно. Что же касается меня, то есть моего одиночества, то, разумеется, оно не может быть решающим моментом. <...> Можно будет сказать Лахтину, что в настоящее время ты, во-первых, считаешь более удобным работать на диссертацию в Саратовской лаборатории, а, во-вторых, боишься попасть между Соколовым и Станкевичем, которые ссорятся».¹¹

Узнав из очередного письма сына о его назначении преподавателем Высших сельскохозяйственных курсов, открытых в Саратове в 1913 г., Д. Н. Зёрнов с явным удовлетворением констатировал: «Приглашение в новый институт как с неба свалилось и дает выход из скверного положения, которое может создаться, если затея этого проклятого цыгана (Л. А. Кассо. — В. С.) с изменением положения профессоров удалась бы. Хорошо также, что новый институт будет, конечно, состоять в ведомстве Министерства земледелия, а не в цыганском».

И далее, сетуя на бесцеремонность и коварство министра и его приспешников, добавлял: «В этом году этот цыган сделал мне пакость, не назначил дополнительного содержания (1200 р[ублей]), которое я получал с 1900 года. Говорят, наградил кого-то удобного ему в Харькове. Любавский устраивает теперь замену этого содержания, а именно предполагает взять его из остатков от личного состава. Это дело прошло в факультете и в Правлении. Завтра будет докладываться в Совете. Вероятно, пройдет. Но оно должно пройти еще попечителя и министерство. Если не удастся, мне будет очень чувствительно лишиться зараз этого дополнительного содержания, да деканского, да квартиры.

Что касается освободившейся кафедры общ[ей] патологии, то у нас еще ничего не предпринято. Завтра поговорю с ректором. С тех пор, как цыган стал насаждать своих ставленников, мы перестали ходатайствовать о поручении выбора профессоров факультету. Теперь мы, вероятно, только донесем, что кафедра свободна, как это полагается по уставу».¹²

Из приведенных выше документальных свидетельств видно, с какой клопочущей болью в сердце воспринималась реакционная политика министра Л. А. Кассо в отношении старейшего в России «рассадника просвещения» всеми теми, кому судьба его богатых и славных традиций была далеко не безразлична. Обрушившееся на русскую науку несчастье трактовалось этими людьми как сугубо личная трагедия.

Однако сам Кассо, этот, по меткому определению К. А. Тимирязева, «суперарбитр, поставленный у Чернышева моста ведать русскую науку...», «...авторитет которого измеряется только титулом и окладом, присвоенным случайно занимаемому им служебному месту...», оценивал дело рук своих совершенно иначе. Он был тверд и непоколебим в мысли, «что потери Московского университета <...> невелики и русским ученым остается или поклониться перед этим приговором, или устраниться...».¹³

Аналогов подобному изуверству трудно было сыскать во всей истории российской науки и просвещения. Даже ретроградные действия министра народного просвещения Н. П. Боголепова, являвшегося, как известно, одним из авторов «Правил» об отдаче студентов, принимавших участие в революционном движении, в солдаты, казались в сравнении с политикой Л. А. Кассо безобидной оплошностью. Эту мысль, в частности, подтверждают и воспоминания крупного государственного и политического деятеля России С. Ю. Витте. Попытавшись сопоставить деятельность этих двух фигур в области

народного образования, он невольно дивился тому, «каким образом такой режим, режим полнейшего произвола и усмотрения, мыслим после 17 октября 1905 г.». И сам же давал вполне разумное тому объяснение: «...Кассо есть продукт общей распутной политики, внедренной Столыпиным, которая и породила Кассо».¹⁴

Проводимая в эти годы Министерством народного просвещения политика «усмирения и устрашения» нашла свое проявление и в жизни Саратовского университета. Замещение вакантных кафедр в нем проходило теперь так же, как и в других университетах, исключительно по прямому указанию министра,¹⁵ а негодные ему профессора подвергались унижительным преследованиям и гонениям.

В мае 1912 г. в местных газетах появились сообщения об отказе профессора В. И. Разумовского вновь баллотироваться на пост ректора университета.¹⁶ На состоявшемся 7 мая заседании Совета университета, объясняя причины своего отказа, он заявил: «Я имею право не выставлять свою кандидатуру на выборы тем более, что среди членов Совета находятся лица, работавшие вместе со мной с основания Саратовского университета и, следовательно, с такой же опытностью, как и у меня; не сомневаюсь, — подчеркивал ученый, — что при их участии (в случае выбора их) дальнейшее развитие Николаевского университета пойдет правильно. Насколько могу, в качестве члена Совета, буду всеми силами способствовать этому, но быть в администрации университета я отказываюсь».¹⁷ И все же основная причина отказа от баллотировки, думается, крылась в том, что в условиях постоянной слежки и доносов со стороны полиции, усиливающегося давления из Министерства народного просвещения В. И. Разумовский, в силу своих передовых убеждений, не мог мириться с происходящим. Идти же против собственных принципов в угоду реакции ученый не хотел и не мог. В министерстве же такой отказ восприняли с холодным молчанием и, естественно, препятствий для отставки заслуженного профессора не чинили.

Вслед за В. И. Разумовским гнев Кассо пал и на ближайшего его друга и сподвижника в деле организации и строительства нового университета — профессора В. В. Вормса. Попечитель Казанского учебного округа при посещении Саратовского университета дал понять В. В. Вормсу, что такой проректор, каким является он, в министерстве считается «неблагонадежным» и симпатиями, конечно же, не пользуется. В создавшихся условиях Владимиру Васильевичу ничего другого не оставалось, как подать прошение об отставке. 1 ноября 1913 г. оно было удовлетворено.¹⁸

Но и после увольнения профессора В. В. Вормса с должности проректора он продолжал оставаться для правительства одним из опаснейших и негодных профессоров. В одном из донесений саратовского губернатора князя А. А. Ширинского-Шихматова в Министерство народного просвещения говорилось, что профессор В. В. Вормс, «будучи сам безусловно левого направления и сочувствуя всякого рода выступлениям учащейся молодежи, оказывает на студенчество весьма отрицательное влияние, ввиду чего оставление его в числе преподавателей Саратовского университета представляется нежелательным».¹⁹

После решительного отказа В. И. Разумовского выставить свою кандидатуру на ректорских выборах, Совет университета тайным голосованием, как того требовали старые академические традиции, избрал на этот пост профессора И. А. Чуевского.²⁰ Но такой исход выборов не встретил одобрения в Министерстве народного просвещения, и результаты их были аннулированы.

По распоряжению министра Л. А. Кассо временно исполняющим обязанности ректора был назначен профессор Н. Г. Стадницкий, «для этой роли совершенно неподходящий».²¹ С самого начала своей деятельности в новой должности он повел решительную и бескомпромиссную борьбу с любыми проявлениями либерализма. В его «черный актив» в этом плане с полным основанием можно отнести подготовленный им втайне от коллег доклад для министра народного просвещения с изложением конкретных мер, с помощью которых он намеревался окончательно пресечь в Саратовском университете даже самую мысль о студенческих беспорядках. В частности, он настаивал на прекращении развития в его стенах таких студенческих организаций, как общество взаимопомощи студентов-медиков (с бюро труда, библиотекой и потребительской лавочкой при нем), общество имени Н. И. Пирогова, студенческий хоровой кружок и строящиеся по территориально-национальному признаку кассы взаимоподдержки студентов-астраханцев, туркестанцев и евреев. Н. Г. Стадницкий выступал также против дальнейшего перевода в Саратов из Новороссийского университета студентов-кавказцев, составлявших, по его мнению, «особо беспокойный элемент».²²

Своими угодническими действиями Н. Г. Стадницкий очень скоро завоевал расположение как министерских, так и полицейских чиновников. Достаточно привести некоторые отзывы о нем жандармской охраны, чтобы стало понятно, что за человек возглавил университетскую администрацию и в каком невыносимо тяжелом положении в связи с этим оказалась свободолюбивая молодежь и передовая профессура Саратовского университета.

«Стадницкий, — говорилось в одной из таких характеристик, — известен всем, как человек, безусловно, правых убеждений, с неистощимым запасом энергии и силой воли, строго стоящий на почве законности и умеющий охранять порядок».²³ «...Человек большой воли, строго определенного направления, согласующий свою деятельность с видами правительства, — отмечалось в следующей, — он всегда неуклонно придерживается закона и университетского устава, ввел надзор за студентами в стенах университета, увеличив с этой целью число смотрителей зданий, имеет всюду сам постоянное наблюдение и успешно устраняет из университета все, что не относится к прямым его задачам. Лишь благодаря его решительности, энергии и смелости, — подчеркивалось в заключение, — в Саратовском университете до сих пор предотвращались забастовки и другие разного рода осложнения, сделавшиеся обычными в других высших учебных заведениях». Выделив в характере Н. Г. Стадницкого перечисленные выше качества, местные власти с уверенностью заявляли, что из всех членов профессорской корпорации Саратовского университета он является «единственным лицом, вполне достойным занять должность ректора и способным повести университет по верному пути».²⁴

Надо признать, что отношение к Н. Г. Стадницкому большинства саратовской профессуры, и без того весьма натянутое, после назначения его временно исполняющим обязанности ректора усугубилось. Особенно заметно это проявилось накануне и во время проведения 23 сентября 1913 г. повторных выборов ректора.

Непосредственно перед началом баллотировки, как и полагалось в подобных ситуациях, члены Совета записками наметили возможных кандидатов на ректорский пост. Ими стали профессора: Н. Г. Стадницкий, получивший 10 записок, П. П. Заболотнов — также 10 записок, В. А. Павлов и А. Ф. Преображенский (тут же снявшие свои

кандидатуры) — оба по одной записке. Состязание состоялось между основными претендентами. Результаты выборов показали, что большинством голосов (14 против 10) новым ректором Саратовского университета был избран профессор патологической анатомии Петр Павлович Заболотнов (1858–1935), по определению В. Д. Зёрнова, «человек, довольно провинциальный, но старых академических правил», который «без блеска, но вполне благополучно правил университетом до сентября 1918 года <...> после чего абсолютно отказался от вторичного избрания».²⁵

Для выяснения ряда важных особенностей, характеризующих внутреннюю жизнь Саратовского университета, ректорские выборы 1913 г. сыграли большую и определяющую роль. Прежде всего (и это самое, пожалуй, главное) они помогли раскрыть общественно-политическую сущность местной профессуры, особенно ярко заявившей о себе во время предвыборной кампании, активно проводившейся накануне баллотировки. В отчете саратовского губернатора за ноябрь 1913 г. сообщалось по этому поводу: «Профессорская коллегия, состоящая из 25 лиц, резко разделилась на правых, с исполняющим обязанности ректора Стадницким во главе, и левых, в числе коих главную роль играют бывший ректор университета Разумовский и профессор Вормс».²⁶

Сторонников жесткого курса в деятельности университетской администрации насчитывалось 10, а приверженцев демократических принципов в академической жизни — 15 человек.

О причинах раскола саратовской профессуры на «левых» и «правых», о господствовавших в той или другой группе настроениях свидетельствуют многочисленные источники, хранящиеся как в государственных, так и в личных архивах. Интересно в этом плане письмо профессора В. Д. Зёрнова жене от 18 сентября 1913 г.: «Голубка, ты нас бранишь за политику; но когда на каждом шагу встречается тупость в соединении с нахальством, да еще приправленная стремлением половить в мутной воде рыбку, поневоле все нервничают. Устраниться совсем — ты знаешь, это нелегко».²⁷

Не обращать внимания в создавшейся ситуации на лицемерие и ханжество, действительно, было непросто. И большинство саратовских ученых это хорошо понимали. Но, пожалуй, более чем кто-либо другой, надвигавшуюся опасность университетским традициям и устоям сознавали бывший ректор университета профессор В. И. Разумовский и профессор В. В. Вормс. Подчеркивая это обстоятельство, начальник Саратовского губернского жандармского управления на запрос губернатора сообщал: «Во главе оппозиционной группы несомненно стоит бывший ректор, профессор Разумовский, неоднократно нарушавший ныне действующий университетский устав 1884 года, а равно и циркуляры министра народного просвещения, статьи закона. Профессор Разумовский сильно противодействовал при выборах профессора Стадницкого в члены Правления университета, в деканы медицинского факультета и в ректоры, хорошо зная правые убеждения <...> Стадницкого...».²⁸ Последний в свою очередь тоже не сидел сложа руки и, как вспоминала дочь первого ректора Саратовского университета Ю. В. Разумовская, постоянно «доставлял отцу немало неприятностей своими происками и доносами».²⁹

Если согласиться с тем мнением, что В. И. Разумовский выступал в роли своеобразного призывного стяга оппозиции, то В. В. Вормс в таком случае являлся главным связующим звеном всех ее сил. Его авторитет ученого и общественного деятеля помог ему объединить вокруг себя значительное большинство университетской профессуры.

«В настоящее время, — говорилось в одном из донесений, поступавших из Саратова в Департамент полиции, — среди последних (имеется в виду группа левых профессоров. — В. С.) профессор Вормс является объединяющим лицом. С целью сплотить своих единомышленников, он устраивает теперь вместе с ними товарищеские ужины, носящие, видимо, характер частных совещаний, так как в последний раз счел почему-то нужным об устройстве такого ужина уведомить запиской полицмейстера».³⁰

Противостояние между «правой» и «левой» группировками внутри профессорской корпорации Саратовского университета не исчезло и после ректорских выборов. Стремясь превратить российские университеты в надежный форпост самодержавной власти путем насаждения в них верноподданических элементов, Л. А. Кассо, грубо вмешиваясь в жизненные планы отечественных ученых, самолично определял, кому и где следует служить русской науке. Судьба профессора ботаники А. Я. Гордягина, стоявшего у истоков создания университета в Саратове, лучшее тому подтверждение.

Будучи крупным ученым и человеком высоких моральных и нравственных принципов, Андрей Яковлевич сразу оказался в центре внимания саратовской профессуры и студенчества, завоевав среди них «всеобщие симпатии как друг молодежи, опытный преподаватель, прекрасный товарищ. Не меньшие симпатии, — отмечал В. И. Разумовский, — снискал он и в саратовском обществе, для которого его перевод из Саратова (в 1914 г. — В. С.) чувствителен, тем более что он имелся в виду как директор Сельскохозяйственных курсов»,³¹ в организации которых он активно участвовал с 1913 г.

В переводе А. Я. Гордягина снова в Казанский университет не последнюю роль сыграл попечитель Казанского учебного округа Н. К. Кульчицкий, который еще до 1914 г. намеревался заменить его в Саратовском университете на одиозного К. С. Мережковского, чтобы последний смог «одновременно занять там (в Саратове. — В. С.) и должность ректора».³²

Описывая от третьего лица всю эту закулисную «игру», Андрей Яковлевич констатировал: «Кульчицкий еще и до попечительства имел основания для неприязни против некоторых саратовских профессоров, в том числе и Гордягина; может быть, главным из этих оснований был отказ участвовать в съезде правых профессоров, организатором которого был Кульчицкий в 1909 г. Став попечителем, Кульчицкий разными способами добился ухода неугодных ему профессоров из Правления Саратовского университета, а, следовательно, и из Строительной комиссии, учреждения, которое существовало на основании особого закона и доставило немало неприятностей и казанским попечителям, и министерству. Гордягин тоже состоял членом Правления Саратовского университета, но по избранию от Совета, и удалить его из Правления было труднее, чем других, тем более что в законе о Саратовском университете по недосмотру не был оговорен срок, на который избираются такие члены Правления. Законный срок для расчета с Гордягиным, который, по отзыву Кульчицкого, „поддерживал каждое выступление против министерства“, открывался лишь в 1914 г., когда исполнялось двадцатипятилетие службы Гордягина: министерство имело право „освободить“ от службы профессоров по истечении этого срока».³³

На состоявшемся по случаю юбилея (совпавшего с проводами ученого из Саратова) торжественном заседании Саратовского университета каждый из присутствовавших на нем мог выразить юбиляру свои радостные и одновременно в связи с предстоящим его отъездом грустные чувства. И все же, несмотря на то что Андрей Яковлевич «недолго

проработал в Саратовском университете и против его воли при министре Кассо был возвращен в Казань», он неизменно остался в памяти всех саратовцев — современников и потомков — как «один из самых симпатичных товарищей. Большая умница, широко образованный, настоящий большой естествоиспытатель и превосходный лектор».³⁴

Подобный правительственный курс в области высшего образования, конечно, не мог прибавить симпатии к Л. А. Кассо ни в университетских кругах, ни в русском образованном обществе в целом. Наглядным подтверждением может служить то, как были в Саратове восприняты слухи о возможном визите в город в апреле 1914 г. министра народного просвещения и попечителя Казанского учебного округа, едущих «мирить профессоров (они все переругались) уни[версите]та».³⁵

Так, например, студент Саратовского университета Д. Д. Гуров с язвительной иронией по этому поводу писал: «...к нам жалуется милейший Лев Аристархович (так в перлюстрированном полицией оригинале; правильно — Аристидович. — В. С.) Кассо. Видимо, Господь Бог не хочет обойти нас своей милостью и ниспосылает нашему университету счастье и радость лицезреть в стенах *alma mater* столь незабвенное историческое лицо. Кассо, видишь ли, едет в Казань по поводу Г[осподи]на Мережковского, ну оттуда заглянет и к нам, дабы примирить правых и левых профессоров. Меня прямо в ярость приводит одна мысль, что и я, быть может, удостоюсь этой великой милости, т. е. увижу Л. Ар. Кассо. Меня поражает дерзость и нахальство подобных лиц. Грязные, неопрятные они еще смеют учить чистоплотности других лиц. Это ведь сплошной ужас».³⁶

Тогда же среди местных обывателей возникли опасения, что в Саратове на жизнь министра может быть совершено покушение.

«Сейчас ждут <...> в Саратов Кассо, а потому все еще резче сказывается. Я очень не хочу, чтоб он приезжал, помимо того, что все эти встречи, маскарады всего — противны, я боюсь (и многие этого боятся), что с Кассо может что-нибудь случиться в Саратове. Саратов ведь из буйных городов, хотя дела и не делает толком, а Кассо здесь терпеть не могут. Мне деятельность его, хотя тоже не очень-то по душе, но все-таки недовольство его деятельностью не дает никому права лишать его жизни. А вряд ли в Саратове дело пройдет без покушения на него...»³⁷ — читаем в одном из перлюстрированных охранным отделением писем.

Однако эти тревоги, скорее всего, были надуманными. Как замечал Д. Д. Гуров, изнутри знавший молодежную среду, «на посещение университета Кассо я глубоко уверен, что студенчество ничем не будет реагировать. Принимая во внимание лояльность нашего университета, Кассо, пожалуй, вздумает посетить и лекции. При встрече как-нибудь расскажу один факт характерный для нашего студенчества. Писать не хочется, так как заняло бы много места и времени...»³⁸

Как бы многосложно ни реагировали современники на трагические события, разыгравшиеся в 1911 г. внутри и вне стен Московского университета и грозным эхом отозвавшиеся в скором времени во всех крупных университетских центрах Российской империи, конечный их вердикт был однозначно осуждающим. Действия полицейско-административной машины царизма, надежным защитником и оплотом которой в области народного просвещения являлся министр Л. А. Кассо, иначе как разрушительными и откровенно циничными по отношению к отечественной высшей школе назвать было невозможно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ У современников несколько не вызывало сомнения, что «децентрализация университета, предложенная в проекте, неизбежно <...> сделает профессорские корпорации гораздо более „досигаемыми“ для различных воздействий на них с „высоких мест“, что она превратит почти что в призрак формально оставляемую за университетом автономию» (*Сперанский Н. В. Борьба за школу: Из прошлого и настоящего на Западе и в России.* М., 1910. С. 208). Негодующее отношение в обществе и прохладную реакцию в высших эшелонах власти вызывал также вопрос об университетских приставках (Саратовский листок. 1909. 6 дек. № 274).

² *Сперанский Н. В. Кризис русской школы: Торжество политической реакции. Крушение университетов.* М., 1914. С. 122.

³ *Тимирязев К. А. Наука и демократия: Сб. статей 1904–1919 гг.* М., 1963. С. 58.

⁴ См.: История Московского университета. М., 1955. Т. 1. С. 376.

⁵ *Сперанский Н. В. Кризис русской школы.* С. 125–126.

⁶ П. П. Подъяпольский — Д. Н. Зёрнову 24 июня 1915 г. (Коллекция документов по истории Саратовского университета В. А. Соломонова (Саратов); далее — Коллекция В. А. Соломонова).

⁷ М. Е. Зёрнова — В. Д. Зёрнову 11 и 12 февраля 1911 г. (Коллекция В. А. Соломонова).

⁸ М. Е. Зёрнова — В. Д. Зёрнову 5 мая 1911 г. (Там же).

⁹ Д. Н. Зёрнов — В. Д. Зёрнову 9 февраля 1912 г. (Там же).

¹⁰ Д. Н. Зёрнов — В. Д. Зёрнову 3 июня 1912 г. (Там же).

¹¹ Д. Н. Зёрнов — В. Д. Зёрнову 14 января 1914 г. (Там же).

¹² Д. Н. Зёрнов — В. Д. Зёрнову от 30 апреля 1913 г. (Там же).

¹³ *Тимирязев К. А. Наука и демократия.* С. 61–62.

¹⁴ *Витте С. Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911.* М., 1991. С. 391.

¹⁵ Были, правда, и исключения; например, назначение по выбору Совета университета С. И. Спасокукоцкого и А. А. Богомольца. Подробнее об этом см.: 1) *Соломонов В. А.* «Празднику был придан всесоюзный и политический

размах» : (проф. С. И. Спасокукоцкий о праздновании 25-летия Саратовского университета и медицинского института) // Отечественные архивы. 1995. № 6. С. 80–81; 2) Они были первыми // Четыре века. Саратов, 1991. С. 165–169.

¹⁶ Саратовский вестник. 1912. 13 мая. № 103.

¹⁷ Государственный архив Саратовской области (далее — ГАСО). Ф. 393. Оп. 1. Д. 271. Л. 3 об.

¹⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9210. Л. 28 об.

¹⁹ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9210. Л. 56; Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 733. Оп. 155. Д. 812. Л. 47.

²⁰ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 271. Л. 4 об. (Выборы состоялись 7 марта 1912 г. За И. А. Чуевского проголосовало 14 человек, против — 2).

²¹ *Зёрнов В. Д.* Записки русского интеллигента / Публ., вступ. ст., коммент. В. А. Соломонова // Волга. 1994. № 3–4. С. 122.

²² Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 102. ДП-ОО. 1914. Д. 59. Ч. 69. Л. 5–5 об.

²³ ГАРФ. Ф. 102. ДП-ОО. 1914. Д. 59. Ч. 69. Л. 15.

²⁴ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9210. Л. 54 об.; РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 812. Л. 46.

²⁵ *Зёрнов В. Д.* Записки русского интеллигента // Волга. 1994. № 3–4. С. 123.

²⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 155. Д. 812. Л. 46.

²⁷ В. Д. Зёрнов — Е. В. Зёрновой 18 сентября 1913 г. (Коллекция В. А. Соломонова).

²⁸ ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9210. Л. 59 об.

²⁹ *Разумовская Ю. В.* Воспоминания о моем отце — профессоре хирурге В. И. Разумовском и о нашей семье. С. 16. Машинопись. (Коллекция В. А. Соломонова).

³⁰ ГАРФ. Ф. 102. ДП-ОО. 1913. Д. 59. Ч. 69. Л. 4.

³¹ ГАСО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 467. Л. 17.

³² *Гордягин А. Я.* Из истории Ботанического кабинета Казанского университета // Учен. зап. Казан. ун-та. 1933. Т. 93. Вып. 6. С. 59.

³³ Там же. С. 58–59.

³⁴ *Зёрнов В. Д.* Записки русского интеллигента // Волга. 1993. № 11. С. 138.

³⁵ ГАСО. Ф. 51. Оп. 1. Д. 70 а. Т. II. Л. 64 об.

³⁶ Там же. Л. 79–79 об.

³⁷ Там же. Л. 81 об.

³⁸ Там же. Л. 79 об.